

— Пожалуйста, берегите себя, старец, — мягко утешил его Жун Жо.

Го Цзыфан, не выпуская его ладони, с надеждой заглянул в глаза:

— Го Цзянь... мой сын... неужели он...

Цзян Ехун, глядя, как старик вцепился в руку юноши, невольно нахмурился. В груди шевельнулось необъяснимое раздражение, и он, не выдержав, подошёл и решительно высвободил руку Жун Жо из хватки старика.

— Старче, примите наши соболезнования. С Го Цзянем случилась беда, но вам нужно держаться. Вот поправитесь, тогда и придёте опознать тело.

Го Цзыфан в бессильном горе зарыдал, колотя себя кулаками в грудь. Чжао Чэнь вместе с парой ловцов помогли ему дойти до дома и сразу же послали за лекарем.

— Брат Чу, — вполголоса заговорил Жун Жо, когда они остались одни, — раз У Юй и Го Цзянь были знакомы, велика вероятность, что они действовали в сговоре...

Цзян Ехун задумчиво потер подбородок:

— Сговор ради убийства? Но ты и сам слышал: У Хуэйюнь души не чаяла в Го Цзяне. А к У Юю, когда тот рос в нищете, была совершенно равнодушна. Честно говоря, я уже путаюсь, кто из них ей настоящий сын.

— Брат Чу, нам стоит ещё раз разузнать о том, что произошло с У Хуэйюнь на озере Яоху, — заметил Жун Жо. — Откуда вдруг взялось двое детей? Приняв У Юя, она начала буквально заваливать его деньгами, потакая всем прихотям. Но при этом Го Цзяня, якобы дальнего родственника, любила как родного. Неужели тогда, много лет назад, у неё родилась двойня?

Мысли Цзян Ехуна окончательно спутались. Он мельком взглянул на руку Жун Жо — ту самую, которую только что держал Го Цзыфан. У юноши были удивительно изящные руки: кожа белая, пальцы длинные и тонкие. Глава павильона вдруг почувствовал, как к лицу приливает жар. Он судорожно сглотнул и поспешно отвернулся.

— Отправлю людей на Яоху, пусть всё разнюхают. А теперь пошли поедим, я проголодался.

Они устроились за столиком в первой попавшейся лавке с лапшой. Жун Жо вёл себя непривычно тихо. Цзян Ехун ломал голову: почему тот вдруг замолчал? Раньше всегда о чём-то расспрашивал, а тут — ни слова. «Неужели из-за того поцелуя в переулке?» — промелькнуло в голове. Стоило ему вспомнить прикосновение губ в темноте, как тело обдало нестерпимым жаром.

— Кхм-кхм! — он закашлялся, пытаясь скрыть смущение.

— Брат Чу, ты в порядке? — Жун Жо обеспокоенно отложил палочки и принялся похлопывать его по спине.

Цзян Ехун кашлял долго, до багровых пятен на щеках. Проклятье, ну почему он вспомнил об этом именно сейчас!

— Ничего... ничего, — выдавил он, бросая палочки на стол. — Просто поперхнулся...

Жун Жо попросил у хозяина лавки чашку воды.

— Выпей, станет легче.

Юноша по-прежнему был одет в своё привычное рубище из серой мешковины. Цзян Ехун жадно осушил чашку в два глотка.

— Идём, мне нужно тебе кое-что показать.

Жун Жо послушно последовал за ним, не задавая лишних вопросов. Цзян Ехун привёл его в ближайшую лавку портного.

— Эту. И вот ту тоже. Снимай с витрины, — скомандовал он лавочнику.

Затем всучил охапку одежд в руки Жун Жо:

— Ступай, примерь.

Тот изумленно распахнул глаза:

— Это... мне?

Прислонив меч к стене, Цзян Ехун нарочито уставился в потолок, лишь бы не встречаться с ним взглядом.

— А кому же ещё? Ходишь вечно в одних и тех же обносках... подумают ещё, что я тебя притесняю. Живо в примерочную, нам ещё дело расследовать!

Он буквально впихнул Жун Жо за ширму, а сам принялся рассматривать рулоны ткани. Юноша был очень бледным, ему всё должно быть к лицу. «Интересно, в белом он будет похож на

небожителя?» — Цзян Ехун снова затрепетал. «Раз уж он считает меня старшим братом, надо и вести себя соответственно. Купить младшему приличную одежду — дело обычное», — убеждал он себя, хотя на душе было как-то тоскливо от этого слова «брат». Он выбрал два отреза расшитого шелка — белый и лазурный.

— Из этого сшейте две смены зимнего платья.

Хозяин лавки, видя такую щедрость, расплылся в улыбке. В этот момент из-за ширмы робко вышел Жун Жо. Нежно-голубое одеяние преобразило его настолько, что он казался зашедшим в лавку духом гор. Цзян Ехун заволновался, а кончики ушей предательски заалели.

— Сидит неплохо. А теперь меряй второе.

Жун Жо кивнул и скрылся за ширмой. Глава павильона, не раздумывая, сразу выложил на прилавок серебро за всё.

Когда юноша вышел во второй раз, на нём был наряд тёмно-багряного цвета. Он выглядел смущённым, но эта одежда шла ему ещё больше — лицо в ней казалось живым и ярким. Цзян Ехун отвёл взгляд, боясь выдать себя:

— Упакуйте всё. И позови подмастерье, пусть снимет мерки для пошива.

— Брат Чу, мерки?.. — попытался возразить Жун Жо.

— Ступай! — отрезал Цзян Ехун, не давая и шанса на отказ.

Лавочник, наблюдая за ними, понимающе усмехнулся:

— Какая удача для молодого господина! Ваш спутник и ликом пригож, и нравом кроток.

Цзян Ехун до хруста сжал кулаки, поспешно объясняя:

— Какая ещё удача? Он мой... — слово «брат» застряло в горле. «А если не объясню, люди невесть что подумают... нехорошо для Жун Жо». На сердце стало совсем горько. Он вспомнил слова учителя: «Любить кого-то — значит познать горечь». Глава павильона замер. Откуда эта мысль? Неужели он... влюбился в Жун Жо?

Юноша тем временем уже вышел к нему.

— Брат Чу, правда, не стоит... эта ткань слишком дорогая.

— Этот господин толк в жизни знает, — вмешался лавочник, подмигивая. — Но ткань вовсе не дорогая, я сделал большую скидку. Принимайте подарок от чистого сердца и ни о чём не беспокойтесь.

Жун Жо бережно принял свертки с одеждой:

— Спасибо тебе, брат Чу. С тех пор как не стало отца, я ни разу не надевал обновы. В «Ижэнь-гэ» хозяйки давали нам красивые наряды, но то было для гостей, не для нас самих.

Радуется новым вещам как дитя... Сколько же лишений он перенёс, если такая мелочь приносит ему столько счастья? Цзян Ехун укорил себя за прежнее невнимание.

— Идём. Нам нужно найти У Шуня. Сдаётся мне, он до сих пор водит нас за нос.

Они напрямиком направились в мастерскую У Шуня. В лавке по-прежнему было пусто. Хозяин вышел им навстречу:

— Господин ловец, что-то ещё?

— У Шунь, признавайся, что ты от нас скрыл? — насел на него Цзян Ехун.

Тот отвел взгляд и угрюмо замолчал.

— Отвечай! — прикрикнул глава павильона. — У Юй — родной сын У Хуэйюнь или нет?

У Шунь вскинул голову, но тут же в раскаянии поник.

— Брат, я...

Цзян Ехун с силой грохнул кулаком по столу:

— Хватит мямлить! Говори правду: чей сын У Юй?

— Не её, — тяжело вздохнул У Шунь.

— Тогда чей?

— Сюй Вань. Это она была той девушкой, в которую влюбился наследник Унань-вана Цуй Ин. У Хуэйюнь и Сюй Вань были лучшими подругами. Когда Вань забеременела, родные выставили её за дверь, и Хуэйюнь приютила её у себя. Тогда-то она и узнала, кто отец ребёнка. Хуэйюнь и

её брат У Хуэйчжоу всё обмозговали и решили: Хуэйюнь выдаст себя за Сюй Вань и вытрясет из поместья Унань-вана кучу денег. Ох...

Цзян Ехун не ожидал такой низости от брата с сестрой.

— И что дальше? Что стало с Сюй Вань?

— Она и знать не знала о шантаже, — продолжал У Шунь. — Сюй Вань была первой красавицей в деревне Сбора Лотосов. Эти двое решили и на ней нажать: пустили слух, будто она вдова, чей муж безвременно почил, и продали её за пятьсот лянов какому-то старику, что был на двенадцать лет её старше.

— Скоты! — Цзян Ехун снова ударил по столу так, что У Шунь вздрогнул.

— Да уж... А позже У Хуэйюнь смекнула, что мальчишка — золотая жила. Под видом тетки она забрала У Юя к себе. Сама принцесса признала в нём кровь Цуев, так что Хуэйюнь холила и лелеяла его, лишь бы деньги текли рекой.

— А Го Цзянь? Чей он ребёнок?

У Шунь поморщился, он замялся, не зная, как подобрать слова.

— Эх... Да что уж теперь таиться. Сами они этот грех на душу взяли, сами и расплатились.

— О чём ты? Что за грех?

— Го Цзянь — сын У Хуэйюнь и её родного брата У Хуэйчжоу, — выдавил У Шунь, понурился головой.

Цзян Ехун поразился:

— Что?! Но они же... родные по крови!

— Родители их умерли рано, им тогда едва по одиннадцать исполнилось, — глухо пояснил У Шунь. — Жили вдвоем, спали под одним одеялом, по малолетству не задумывались. А потом кровь заиграла... Когда опомнились, Хуэйюнь уже понесла. Я умолял её избавиться от плода, но она и слушать не желала, вбила себе в голову, что родит. Брат её об этом так и не узнал — она тайно отдала младенца на воспитание Го Цзыфану.

Цзян Ехун онемел от шока. Лишь спустя время он вспомнил слухи об У Хуэйюнь — о её высокомерии и нежелании выходить замуж. Оказывается, она всю жизнь любила собственного

брата. От таких извращений людской природы становилось тошно.

— Должно быть, она очень любила У Хуэйчжоу? — негромко спросил Жун Жо. Его взгляд оставался мягким и печальным.

У Шунь горестно кивнул:

— Хуэйчжоу и сам понимал, что их связь — преступление против неба. Потому и подался в торговлю, всё время был в разъездах, пока не сгинул в море. Хуэйюнь долго тосковала, пока не встретила Гу Цицы. Тот был просто на него похож, вот она и... Эх...

— Постой, — встрепенулся Цзян Ехун. — Когда на улице Чунмин вспыхнула чума, У Хуэйюнь и Фу Юдао подстрекали толпу против семьи Гу Цзисэна. Ты ведь знаешь, почему они это сделали?

У Шунь закрыл лицо руками, он плакал от раскаяния.

— Господин ловец, я не со зла молчал... Просто обе семьи были ко мне добры, и я...

<http://bllate.org/book/17428/1663864>